

УДК 332.133(571.1/.5)
ББК 65.046.12(253)

А.И. Тимошенко
кандидат исторических наук,
Институт истории СО РАН

СИБИРСКИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ КОМПЛЕКСЫ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И НОВЫЕ ПРОЕКТЫ

В статье в исторической ретроспективе рассматриваются проблемы разработки и реализации проектов территориально-производственных комплексов в Сибири, доказывается их значимость в хозяйственном освоении и обживании новых территорий региона, богатых природными ресурсами. Приводятся примеры государственных решений, которые, как способствовали действительно комплексному социально-экономическому развитию Сибирского региона, так и сдерживали его, определяя сырьевой характер производственного развития.

Ключевые слова: территориально-производственный комплекс, социально-экономическое развитие, комплексное планирование

A.I. Timoshenko
PhD in History,
Institute of History SB RAS

SIBERIAN TERRITORIAL PRODUCTION COMPLEXES: HISTORICAL EXPERIENCE AND NEW PROJECTS

The article discusses the historical retrospection the problems of development and implementation draft of Siberian territorial production complexes, proved their importance in the economic development and habitation of new areas in the region, which is rich in natural resources. There are the examples of government decisions that are really contributed on social and economic development of Siberia and restrained it, defining the nature of the production of raw materials.

Keywords: territorial production complex, socio-economic development, integrated planning.

Территориально-производственные комплексы (ТПК), как специфическая форма организации производительных сил, и наукой и практикой экономической жизни в последнее столетие оценивается достаточно высоко. Считается, что ее использование дает возможность создавать эффективные территориально-производственные образования, в составе которых могут успешно функционировать и взаимодействовать элементы различных, но взаимосвязанных глобальных систем: экономической, демографической, природной и социальной. Формирование ТПК происходит на конкретной территории, в определенное время и в результате достигается наибольший социальный и экономический эффект за счет комплексного и рационального развития всей производственной инфраструктуры, использования локальных природных (земельных, водных, сырьевых) и трудовых ресурсов. В отличие от отраслевого подхода к хозяйственному развитию, создание ТПК является пространственной формой организации производительных сил, в которой реализуются преимущества специализации, кооперирования, комбинирования различных элементов хозяйственной системы. Благодаря этому в идеале может быть достигнута комплексность во взаимодействии пространства, природы и человека.

Данный подход к организации производства и в целом жизни населения на определенной территории крайне актуален для России. Он обусловлен обширностью ее пространств, удивительным природно-климатическим и цивилизационно-культурным разнообразием районов, а также особым характером и значимостью взаимоотношений центра и периферии, государственной власти и местного самоуправления. Эти факторы исторически присутствовали, всегда активно влияли на региональную политику государства, которая наиболее ярко стала проявляться с усилением внимания к развитию производительных сил регионов для решения важнейших стратегических задач страны.

Различные аспекты регионального развития заинтересовали российское правительство в конце XIX в. с развертыванием железнодорожного строительства, которое значительно активизировало экономику страны. В обществе все чаще высказывались мнения, что для будущего благополучия России необходимо экономически осваивать не только ее центральные и обжитые райо-

ны, но и периферийные, еще слабо вовлеченные в хозяйственную деятельность. В значительной степени это касалось восточных территорий, которые составляли большую часть государства и были обильно наделены уже разведанными природными богатствами. Считалось, что именно здесь для обеспечения устойчивого геополитического положения страны и ее перспективного социально-экономического роста необходимо вести активное транспортное строительство, развивать производство, заселять русскими самые отдаленные районы.

В годы Первой мировой войны восточные районы продолжали рассматриваться как важный экономический и военно-стратегический ресурс государства. Советское правительство приняло эстафету. Идеи комплексного развития восточных районов нашли отражение в реализации планов ГОЭЛРО и экономического районирования, развернувшихся в стране в 1920-е гг. Данная работа, охватившая буквально все регионы, проводилась с целью учета местных ресурсов и различных возможностей для развития производительных сил СССР в условиях централизованного управления национализированной экономикой.

В процессе разработки первых пятилетних планов и так называемого Генерального плана, рассчитанного на пятнадцатилетний период (1926–1941 гг.) отмечалось, что восточные регионы имеют все основания для комплексного подхода к социально-экономическому развитию, которое рассматривалось исключительно с точки зрения создания различных промышленных производств с использованием разнообразных природных и сырьевых ресурсов. Из всех идей перспективного производственного строительства в Сибири, высказывавшихся в 1920–1930-е гг., выделялись два направления. Одно из них было более тесно связано с региональным развитием, так как предлагало переработку на месте различных продуктов сельскохозяйственного производства и обслуживание аграрной отрасли, в том числе и создание сельскохозяйственного машиностроения. Другое намечало обеспечить значительный прирост промышленной продукции (угля, металла, продуктов лесопереработки и лесохимии) для всесоюзных потребностей.

Реальным проектом, способным удовлетворить как сторонников первого, так и второго направлений, стала идея создания

Урало-Кузнецкого комбината (УКК), которая разрабатывалась уже в течение ряда лет и была практически готова к реализации. Проект основывался на комплексном использовании в промышленных отраслях природных и минерально-сырьевых ресурсов Урала и Сибири и представлял первую попытку организовать в рамках двух регионов единый производственный комплекс. Его сибирская часть затем стала основой создания Кузнецкого ТПК, доказавшего свою эффективность в годы Великой Отечественной войны и в последующие десятилетия.

Урало-Кузнецкая программа в значительной степени соответствовала задачам модернизации страны, определяла продвижение экономического развития в восточные районы, богатые природными ресурсами. Кроме того, она позволяла реконструировать экономику СССР на индустриальной основе с привлечением научных и технико-технологических достижений более передовых в промышленном отношении стран, в том числе позаимствовать у них некоторые технологии управления и организации промышленного производства.

Первоначально строились планы создания замкнутых промышленных комбинатов. Но на практике происходило преобразование всей экономики районов, где создавались своеобразные производственные комплексы, на основе которых и осуществлялись как углубленная специализация внутри каждого из районов, так и кооперирование между ними. В этой связи создание УКК рассматривалось и в качестве автономной территориально-производственной системы и органической части экономики страны. Поэтому перспективное планирование работы комбината тесно увязывалось с вопросами развития всего хозяйственного комплекса СССР. Административно-командная система управления экономикой, с одной стороны, упрощала решение различных организационных проблем и вместе с тем нередко способствовала их обострению. Особенно это касалось социальных аспектов модернизационных преобразований, в результате которых экономика и человек оказывались разделенными. Производство часто создавалось ради производства.

Тем не менее, главная стратегическая цель достигалась. Огромный регион Урала и Сибири в короткие сроки превратился в индустриально развитый с новейшей промышленной и аграрной

техникой. В процессе реализации проекта кардинальным образом изменилась не только экономическая ситуация, но и социально-демографическая структура общества, социокультурные и бытовые условия жизни населения. В 1930-е гг. модель комбината вполне вписывалась в общую концепцию хозяйственного строительства, основанную на идее социалистического обобществления и создания крупной промышленности в процессе индустриализации страны. По своим масштабам и замыслу она соответствовала политическим планам радикального социально-экономического переустройства общества, провозглашенным большевиками. В ней отражалось стремление доказать преимущества социалистического производства, превзойти зарубежные показатели экономического развития.

Нельзя не признать, что достигнуть намеченной цели удалось лишь отчасти. Однако бесспорным является факт, что огромную роль реализация Урало-Кузнецкой программы сыграла в активизации регионального развития. Оно стало базироваться на индустриализации со всеми вытекающими последствиями экономического и социального характера. С началом стабильной работы Магнитогорского и Кузнецкого металлургических комбинатов — первенцев УКК стали активно разрабатываться и реализовываться новые проекты, связанные со строительством промышленных предприятий металлообработки и машиностроения.

И на Урале и в Сибири в 1930-е гг. существовала большая потребность в производстве сельскохозяйственной техники. В Сибири рассматривалось создание двух центров сельскохозяйственного машиностроения в городах Омске и Новосибирске, на Урале активно развивался Челябинский тракторный завод, планировались и другие предприятия в общем комплексе. На этом фоне и в условиях обобществления сельскохозяйственного производства экономисты и плановики высказывали идеи создания в зоне УКК агрокомбинатов с высоким уровнем механизации производственных процессов.

Во втором пятилетнем плане намечалось строительство в составе Урало-Кузнецкого комбината предприятий не только на Урале и в Западной Сибири, но и в Восточной Сибири, Поволжье, Северном Казахстане. Приобретал очертания круп-

нейший межрайонный производственный комбинат, который, как предполагалось, должен был эффективно сочетать развитие добывающих и обрабатывающих отраслей народного хозяйства, расположенных на огромной площади свыше 6 млн. кв. км, занимающей около 30% всей территории Советского Союза. Во втором пятилетии только на строительство предприятий УКК планировалась примерно четверть капиталовложений в народное хозяйство страны и более одной трети всех капиталовложений в тяжелую промышленность СССР.

В результате реализации столь масштабного проекта разительные перемены произошли в промышленном производстве Сибири, особенно в западной ее части. К 1937 г. здесь сосредоточилось почти $\frac{3}{4}$ основных производственных фондов крупной промышленности Сибирского региона. Уже в 1933 г. УКК давал $\frac{1}{5}$ часть выплавляемого чугуна в стране, $\frac{1}{6}$ часть производства кокса, около четверти основной продукции химического производства. В рамках комбината ежегодно на Урал отправлялось из Кузбасса 5 млн т угля и соответственно в Кузбасс направлялось свыше 2 млн т железной руды. Магнитогорский и Кузнецкий металлургические комбинаты в 1930-е гг. производили самый дешевый металл в стране. В годы Великой Отечественной войны предприятия, созданные в рамках программы «Урало-Кузбасс», стали основным арсеналом СССР, внесшим весомый вклад в Победу над фашистской Германией и ее союзниками [5, с. 369].

Надо отметить, что успехи в экономическом развитии сибирского региона в предвоенные и военные годы достигались в чрезвычайных условиях максимальной мобилизации сил и материально-технических возможностей, политики большого «экономического скачка», приоритетности создания производственной сферы часто за счет администрирования и использования принудительного труда. В этот период в экономике СССР поддерживался режим форсированного производства, увеличения производственных инвестиций, достигаемый главным образом за счет сдерживания роста фондов общественного потребления.

В послевоенные годы социально-экономическая политика советского правительства постепенно менялась. На первый план выходило развитие регионов, богатых природными ресурсами. Для краев и областей Сибири большое значение имел совнархо-

зовский период (1958–1964 гг.), когда социально-экономические программы активно разрабатывались по инициативе региональных партийных и советских органов. Руководители сибирских обкомов и крайкомов КПСС стремились обосновать необходимость комплексного развития своих регионов, всячески способствовали проведению в них научных изысканий, конференций по изучению производительных сил, а также старались добиться строительства на подведомственных территориях крупных промышленных предприятий союзного значения.

Крайкомы и обкомы КПСС в сотрудничестве с научными и проектными организациями выступали за организацию мощных территориально-производственных комплексов, активно взаимодействовали с отраслевыми министерствами, Советами народного хозяйства административных экономических районов. С упразднением совнархозов эта тенденция не утратилась. После возвращения к централизованно-отраслевому принципу управления партийные комитеты пытались по-прежнему влиять на формирование перспективных планов для своих территорий, входить с предложениями в правительство, министерства и особенно в Совет по изучению производительных сил при Госплане СССР. Во второй половине 1960-х — начале 1970-х гг. от партийных и советских органов практически всех регионов Сибири в Госплан СССР были направлены обстоятельные записки о развитии производительных сил на перспективу, разработке генеральных схем развития народного хозяйства краев и областей [6, с. 393–408].

Особое внимание уделялось районам нового индустриального освоения Сибири и Дальнего Востока, где разворачивалось крупное энергетическое и промышленное строительство, а затем и производство. В то же время крайне ограниченными были материально-технические и особенно трудовые ресурсы. В этих условиях требовались иные методы и способы организации производства и управления, которые связывались и в науке и в хозяйственной практике с комплексным подходом.

С конца 1950-х гг. основная деятельность по разработке научных основ перспективного планирования в Сибири сосредоточилась в Новосибирском научном центре. Его Институт экономики и организации промышленного производства стал головной ор-

ганизацией по проведению социальных и экономических исследований в Сибири, результаты которых отражались в комплексных докладах в правительство и Госплан СССР, посвященных различным проблемам развития производительных сил Сибири и Дальнего Востока. Научные разработки, пожалуй, впервые за всю историю взаимоотношений науки и правительственных структур в России, стали реально использоваться для разработки теоретических и методических основ перспективного планирования, составления схем развития и размещения производств на территории всего сибирского региона. Научное прогнозирование охватило не отдельные районы, а всю территорию Сибири, на которой предусматривалось комплексное развитие всех отраслей производственной и социальной сфер через систему создания территориально-производственных комплексов. Считалось, что в социально-экономическом развитии Сибири наступил новый этап, характеризующийся резким расширением использования природных ресурсов региона, ростом заселения его малообжитых территорий на основе комплексного развития и повышения уровня всех составляющих социальной жизни [10, с. 61–62].

Однако научное прогнозирование сразу же вошло в противоречие с реальными возможностями для такого всеохватывающего комплексного развития. Поэтому наряду с перспективным планированием по-прежнему составлялись рабочие планы, которые в свою очередь корректировались в процессе реализации.

В 1950–1960-е гг. социально-экономические преобразования в Сибири, главным образом в Восточной, были связаны с началом решения Ангаро-Енисейской проблемы. История этого проекта насчитывала уже более 100 лет [3, с. 148–229]. Впервые государственный интерес к нему появился в начале 1920-х гг. при разработке планов электрификации России, в которых обосновывалось значение реки Ангары как крупного источника электроэнергии. В 1924 г. инженер В.И. Малышев по поручению Госплана подготовил докладную записку «Лено-Байкальская область и перспективы ее электрификации», где дал научное обоснование уникальных с точки зрения гидроэнергетики возможностей р. Ангары. В 1930-е гг. комплексные исследования бассейнов р. Ангары и Енисея вошли в первые пятилетние планы развития народного хозяйства СССР. В 1931 г. по инициативе акаде-

мика И.Г. Александрова создано специальное Ангарское бюро под руководством В.М. Малышева. Социально-экономические проблемы проекта разрабатывал Н.Н. Колосовский. В результате в апреле 1931 г. на Первом научно-исследовательском съезде Восточной Сибири в Иркутске широко обсуждалась гипотеза индустриализации Восточно-Сибирского края на базе использования гидроэнергии р. Ангары. На первом этапе реализации программы намечалось создание Прибайкальского промышленного комплекса в районе городов Иркутска и Черемхова, затем планировалось интенсивное энергетическое и промышленное строительство в более северных районах. Стратегическая идея поэтапного освоения Ангаро-Енисейского региона обсуждалась в 1932 г. в Москве на Первой Всесоюзной конференции по развитию производительных сил СССР и намечалась в качестве следующей задачи индустриального строительства в восточных районах после создания Урало-Кузнецкого комбината. Для реализации Ангаро-Енисейской программы эта конференция имела огромное значение, так как ее решения стали по существу концепцией долгосрочного социально-экономического развития Ангаро-Енисейского региона, не потерявшей своей актуальности до настоящего времени.

Претворение в жизнь намеченных планов началось с сооружения на Ангаре сравнительно маломощной Иркутской ГЭС. Время подтвердило целесообразность такого подхода. Создание первого по программе индустриального комплекса в относительно освоенном районе Сибири стало своеобразным опытом научно-технической, проектной и строительной подготовки для более сложных решений программы, предусматривавшей строительство мощных объектов в северных малообжитых районах с экстремальными климатическими условиями.

В 1956 г. Иркутская ГЭС вступила в эксплуатацию, в июне 1959 г. было перекрыто русло Ангары в створе Братской ГЭС. В ноябре 1961 г. пущена первая Братская гидротурбина, начато строительство более мощных Красноярской, Усть-Илимской, Саяно-Шушенской ГЭС. Энергетические объекты стали основой формирования целой системы Ангаро-Енисейских ТПК. Первым из них стал Иркутско-Черемховский комплекс энергоемких предприятий вокруг Иркутской ГЭС. В 1955–1980 гг.

сформировался самый результативный Братско-Усть-Илимский, затем Центрально-Красноярский, Саяно-Шушенский, проектировались Канско-Ачинский, Нижне-Ангарский.

В процессе преобразований социальная практика доказывала целесообразность комплексного подхода. В Сибири это выразилось в значительной экономии времени, средств и ресурсов в деле хозяйственного освоения новых территорий, преимуществах территориального разделения между южными и северными районами. На примере формирования системы Ангаро-Енисейских ТПК проектантами социально-экономического развития был сделан вывод, что более хозяйственно освоенные и обжитые южные районы страны могут стать опорной базой для создания материально-технического и кадрового потенциала в северных. Позднее эти концептуальные решения воплотились в научное обоснование экспедиционно-вахтового метода при освоении экстремальных районов Крайнего Севера Сибири при разработке нефтегазовых месторождений.

В концепции разработки и реализации Ангаро-Енисейской программы просматривалось также стремление уйти от прежних представлений о Сибири, как сырьевом придатке европейских районов страны, что проявилось в попытке создания крупных энергоемких производств: центров алюминиевой промышленности в Иркутске, Шелехово, Красноярске, Братске, комплексов химической и лесохимической промышленности. Делались попытки компенсировать негативные явления индустриального строительства за счет обеспечения более высокого уровня жизни сибиряков. В районах нового промышленного освоения Сибири планировались более высокие, чем в целом по стране, темпы роста непродуцированной сферы. Однако осуществить эти планы в полной мере не удавалось. Возможно, просто не хватало исторического времени, влияли не вполне обоснованные с точки зрения эффективности регионального развития стратегические принципы, связанные с приоритетностью производственного развития. Тем не менее, приходится констатировать факты, что комплексность в лучшем случае достигалась в сфере производства, а не в социальном развитии территории Сибири. Существует множество доказательств того, что при более высокой производительности общественного труда показатели уровня жизни

населения в ее осваиваемых районах были более низкими, чем в обжитых и особенно находящихся в южных районах СССР.

Не удавалось избежать этого противоречия и при реализации последующих по времени крупных хозяйственных проектов в Сибири. В процессе формирования Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (ЗСНГК), развернувшегося в связи с открытием крупнейших в мире месторождений нефти и газа на севере Западной Сибири, казалось бы сразу стали намечаться планы не только экономического, но и социокультурного развития территории, которые включали в себя широкий спектр задач, связанных с созданием в суровых для проживания человека условиях, новых городов и рабочих поселков, обеспеченных по самым высоким стандартам уровня жизни в них и охраны окружающей среды от влияния крупнейшего индустриального комплекса. В политических решениях и научно-стратегических разработках много говорилось о социально-экономической результативности разработки невосполнимых природных ископаемых, о развитии не только добывающих, но и перерабатывающих углеводородное сырье отраслях.

Однако в действительности во главе угла выполнения всех планов оказался исключительно рост добычи полезных ископаемых. Первые промышленные предприятия Западно-Сибирского нефтегазового комплекса организовались в начале 1960-х гг., а к 1987 г. западносибирские промыслы обеспечивали уже более 2/3 общесоюзной и 1/5 мировой добычи нефти и газа. Темпы развития производственного потенциала комплекса поистине высоки. Они демонстрировали неизмеримо возросшие на базе индустриализации материально-технические, научные, социально-экономические возможности страны. В 1966–1985 гг. капиталовложения в хозяйство Тюменской и Томской областей, где в основном создавался ЗСНГК, составили 108,6 млрд р. — более 8% от уровня РСФСР, почти 5% от уровня СССР. Доля капиталовложений возросла с 1,8% в 8-й пятилетке, до 7,6% — в 11-й к общесоюзному уровню, с 3,5 до 12% — к республиканскому. В свою очередь, капиталовложения в нефтяную инфраструктуру Западной Сибири за этот же период возросли с 19 до 35%, в газовую — с 4 до 50% к общему объему ассигнований в эти отрасли.

За два десятилетия в нефтегазодобывающих районах Западной Сибири был создан мощный промышленный потенциал. Основные фонды Тюменской области в 1966–1985 гг. увеличились в 65 раз. На нефтегазопромыслах построено около 43 тыс. эксплуатационных скважин, в том числе около 41,4 тыс. нефтяных и свыше 1,5 тыс. газовых, почти 30 тыс. км трубопроводов, ГРЭС, ЛЭП, сотни других промышленно-производственных объектов [8, с. 96–97].

Вместе с тем, экономический рост обеспечивал в основном добычу нефти и газа, как для внутреннего потребления страны, так и для экспорта энергоресурсов на международный рынок. В 1960-е гг. партийное руководство Тюменской области неоднократно ставило перед правительством задачу создания нефтеперерабатывающих и нефтехимических предприятия. Однако эти предложения долгое время оставались без внимания. Лишь в 1970-е гг. было принято решение правительства о проектировании и строительстве Тобольского нефтехимического комбината. В 1986–1988 гг. государственному управлению предлагался проект сооружения одновременно пяти крупных нефтегазохимических комплексов суммарной стоимостью более 20 млрд дол. [11, с. 25]. Но намеченных планов полностью выполнить не удалось. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс ориентировался исключительно на добычу и поставку сырого углеводородного сырья.

С самого начала создания нефтегазовой отрасли на севере Западной Сибири наблюдалось сильное отставание в строительстве жилья и других объектов социальной инфраструктуры: здравоохранения, культуры, коммунально-бытового обслуживания. Доля непроизводственной сферы в капитальных вложениях в 1960–1980-е гг. составляла лишь 12–15%, что в 2–3 раза ниже, чем тратилось в обжитых районах страны. В Среднем Приобье в 1970-е гг. возникла ситуация, при которой по мере увеличения добычи нефти уменьшалась среднедушевая обеспеченность населения жильем. В начале 1980-х гг. были приняты меры для ускорения жилищного строительства. Однако план ввода жилья в эксплуатацию в 1981–1985 гг. был выполнен лишь на 86% [7, с. 78].

Значительная часть населения вынуждена была длительное время ютиться в едва приспособленных для жилья помещениях,

лишенных элементарных для современного человека удобств. При огромном значении для страны продукции нефтегазодобывающего комплекса его работники оказывались в более худших жизненных условиях по сравнению с другими регионами страны. В начальный период освоения Уренгойского месторождения примерно половина населения Нового Уренгоя проживала в балках и вагончиках. Водители автомобилей, не имевшие места в общежитии, ночевали в кабинах машин. В 1981 г. в Надыме, Новом Уренгое на одного жителя приходилось примерно 4 м² жилой площади. Обеспеченность объектами бытового и социального обслуживания составляла от 20 до 50% к нормам [7, с. 79].

В процессе увлечения производственным строительством ситуация медленно менялась к лучшему. Запущенность сферы социально-бытового обслуживания населения отражала недооценку роли человеческого фактора в хозяйственном развитии, существенно сказывалась на трудовом поведении работников, их настроении, социально-психологическом климате в трудовых коллективах и была одним из главных факторов чрезмерного оттока новоселов из районов нового хозяйственного освоения. В итоге можно сказать, что нефтегазовый гигант создавался по образу и подобию индустриальных проектов предшествующего времени. Несмотря на более высокий уровень общественного развития, достигнутый ко времени формирования ЗСНГК, значительные научно-технические и социально-управленческие достижения, допускались те же просчеты и несоответствия между планируемыми и реальными результатами.

Ко времени разворота строительства Байкало-Амурской магистрали и хозяйственного развития зоны ее протяжения все эти проблемы были известны, активно изучались и строились планы по их преодолению. В 1975 г. был создан научный и координационный Совет по проблемам сооружения новой железнодорожной магистрали, возглавляемый академиком А.Г. Аганбегяном, в задачу которого входила организация и научное обоснование комплексного экономического и социального развития территории строительства БАМ. Во главу угла ставилось решение социальных проблем, позволяющих наиболее эффективно осуществлять хозяйственные проекты. Это мнение докладывалось правительству СССР, звучало на Всесоюзных научно-практи-

ческих конференциях, организованных Советом при активном участии государственных управленческих организаций, которые проходили в 1975 г. в Чите, в 1977 г. — в Благовещенске, в 1981 г. — в Улан-Удэ. На последней уже обсуждался более или менее конкретный проект Комплексной программы хозяйственного освоения зоны БАМ, рассчитанный на длительную перспективу [2, с. 74].

Обобщенный и систематизированный научным Советом АН СССР по проблемам БАМ богатый предплановый материал позволил Госплану СССР с привлечением широкого круга министерств и ведомств подготовить целевую комплексную программу хозяйственного освоения зоны БАМ в качестве планового стратегического документа. В нем важное место занимали не только мобилизационные мероприятия по решению хозяйственных проблем в районе нового промышленного освоения, но и рассматривались социальные аспекты комплексного развития. Например, было обозначено, что одним из основных принципов успешной реализации программы является эффективная трудосберегающая политика, ориентация в производственной деятельности на минимальное количество привлекаемых кадров, а, следовательно, и населения. Для этого рекомендовалось предусмотреть в отраслях хозяйства зоны магистрали использование самой производительной и высокоэффективной техники и технологии производственных процессов с целью повышения производительности труда и тем самым снижения потребностей в трудовых ресурсах.

В программе планировались опережающие темпы создания инфраструктуры и в первую очередь социально-бытового обустройства территории с учетом региональных экономических, социально-демографических и природно-климатических особенностей. Отмечалось, что без создания социальной сферы городов и рабочих поселков в зоне БАМ невозможно рассчитывать на закрепление рабочей силы и специалистов в основных производственных коллективах. Предлагалось усовершенствовать уже существующую систему северных льгот и дополнительных выплат к заработной плате. Однако все эти меры мало помогали, так как они принимались не синхронно и не в комплексе. Многие зарабатывали деньги и, не дождавшись комфорт-

ного жилья, уезжали. Особенно слабо закреплялось население городов и рабочих поселков БАМа, дальнейшее развитие которых не определялось ближайшими планами социально-экономического развития.

Радужные перспективы хозяйственной деятельности на территории, прилегающей к железной дороге, в проектах связывались с формированием целого ряда эффективных по расчетам территориально-производственных комплексов, которые должны были определять не только экономическое, но и социально-демографическое и культурное развитие северо-востока России. Большие надежды связывались с разработкой Удоканского месторождения медных руд, на основе которых строились планы сооружения мощного горнообогатительного комбината и медеплавильного завода. Планировалось масштабное освоение Южно-Якутского бассейна коксующихся углей, доступных в основном для добычи открытым способом. На базе Чульманского месторождений железных руд считалось возможным создание новой базы черной металлургии на Дальнем Востоке. Кроме того, специалистами были изучены гидроэнергоресурсы, лесные богатства, накоплены сведения об особенностях климата и природной среды, без чего не возможно было планировать научно обоснованное комплексное освоение зоны БАМ. Целевая комплексная программа хозяйственного освоения зоны БАМа на период до 1990 г. должна была войти в планы экономического и социального развития страны на одиннадцатое и последующие пятилетия. Проектанты видели в перспективе в районе прохождения Байкало-Амурской магистрали высокоразвитый во всех смыслах регион, с преимущественно индустриальным производством и городским населением. Здесь к 1990 г., когда железная дорога полностью вступит в эксплуатацию, и образуются территориально-производственные комплексы, планировалось проживание около 4 млн чел. примерно в 100 городах и поселках городского типа.

К сожалению, такая прекрасная и всесторонне продуманная программа оказалась далеко не полностью претворенной в жизнь. Хотя в рамках ее и многое сделано. В суровом и ранее малообжитом сибирском краю построены новые современные города и рабочие поселки, в которых к концу 1980-х гг. прожи-

вало около 2 млн чел. Самое главное, что в Сибири с 1989 г. действует вторая широтная магистраль от Тайшета на Транссибе до самых берегов Тихого океана протяженностью около 4 тыс. км. Строительство ее основного направления активно развернулось в условиях высокого трудового энтузиазма во второй половине 1970-х гг. и велось из четырех пунктов одновременно. От станции Лена на восток, от станции Тында на восток и запад, от Комсомольска-на-Амуре — на запад, от станции Новый Ургал — на восток и запад. С использованием самых передовых методов, мощной техники, специальных технологий, учитывающих условия районов прохождения трассы, строительство велось высокими темпами. Почти километр рельсового пути в день. Движение по железной дороге началось уже в процессе строительства. С 1 января 1981 г. в системе Министерства путей сообщения СССР была образована 32-я железнодорожная магистраль страны с тремя отделениями (Тындинским, Ургальским и Северо-Байкальским) и 84 станциями. За 1978–1990 гг. ею перевезено 279 млн т грузов, в том числе 112,7 млн т угля, 65,4 млн т леса, 33 млн пассажиров [4, с. 34].

Вместе с тем, необходимо отметить, что строительство дороги не происходило точно по намеченному плану. Строители встретились с трудностями как объективного характера, связанными с природно-климатическими условиями региона, так и субъективными, возникшими в результате недоработок в процессе изысканий. Отсутствие точного и правильного прогноза геологических условий территории дороги потребовало организации дополнительного дорогостоящего разведочного бурения. Трудности проходки тоннелей, затягивающие прокладку трассы, обусловили необходимость строительства обходов, которые могли бы обеспечить движение на время пробивки тоннелей. Временные обходы были сделаны у Байкальского, Кодарского и Северо-Муйского тоннелей. Они, в свою очередь, являлись сложными инженерными сооружениями, требовали дополнительных расходов и издержек различного плана. Как следствие просчетов, сметная стоимость БАМа к концу 1980-х гг. возросла по сравнению с проектной в 1,5 раза [9, с. 53].

К сожалению, не реализовались в полной мере и планы по хозяйственному развитию территории. Из восьми проектиро-

вавшихся ТПК, частичное развитие получили лишь половина. В первоочередном в строительной программе зоны БАМ Южно-Якутском ТПК планировалось организовать подобие Донбасса или Кузбасса — крупный центр угледобычи и черной металлургии. Однако удалось лишь интенсивно наращивать добычу угля. Не приступили к освоению Удоканского месторождения медных руд. В рыночных условиях сделанные ранее расчеты о целесообразности его разработки вообще поставлены под сомнение. Уже во второй половине 1980-х гг. ведомства, закрепленные за выполнением той или иной части программы, стали уклоняться от своих обязательств, особенно по новому строительству предприятий, жилья, объектов социально-бытового обустройства, нарушая принципы централизованного управления и финансирования по реализации программы.

Изменение общей социально-экономической и политической обстановки в стране повлияло на трудовую активность населения. Начался отток кадров из зоны строительства БАМ. Только в 1987–1990 гг. с предприятий уволилось и выехало за пределы региона около 40 тыс. рабочих. Замедлились темпы притрассового обустройства, не осваивались примерно наполовину уже сокращенные на двенадцатую пятилетку ассигнования на новое строительство, заметно ухудшилось централизованное продовольственное и промтоварное снабжение населения. Изменилось отношение к БАМу в государственных и научных организациях. В 1987–1988 гг. постепенно перестал действовать Научный совет АН СССР по проблемам БАМ, долгие годы игравший ведущую роль в научном обеспечении строительства и хозяйственного освоения зоны.

Необходимо отметить, что в советский период создание ТПК органично вписывалось как в общегосударственную стратегию укрепления единого народнохозяйственного комплекса СССР, так и в политику развития регионов, которая в государственных политических декларациях СССР направлялась на выравнивание социально-экономических различий между ними. Эти задачи в качестве главных обсуждались на съездах КПСС и других крупных советских форумах, попадали затем в главные стратегические документы, определяющие социально-экономическое развитие страны.

В целом же можно констатировать, что разработка и реализация комплексных хозяйственных программ в рамках советской мобилизационной стратегии в Сибири имела большое значение для роста экономики страны, укрепления ее геополитических позиций. Деятельность ТПК Сибири создавала предпосылки для интенсивного социального и экономического развития региона. Еще в большей степени она имела общегосударственное значение, так как позволяла СССР сохранять статус сверхдержавы. Посредством комплексных программ масштабно осваивались и заселялись все более новые районы Сибири, строились там не только крупнейшие в мире предприятия, но и пути сообщения, населенные пункты преимущественно городского типа.

Территориально-производственные комплексы оценивались как самая прогрессивная форма организации социально-экономического развития на слабо населенной территории Сибири, богатой природными ресурсами. Особый интерес в этом отношении имели арктические районы. Здесь кроме добычи важнейших для экономики страны полезных ископаемых, развивалась металлургическая промышленность, энергетика, портово-транспортное хозяйство и т.д. Чтобы все это упорядочить предлагался комплексный подход к организации не только производства, но всей жизнедеятельности населения.

ТПК продемонстрировали возможности поэтапного, «очагового» хозяйственного освоения и обживания такой обширной и разнообразной по своим природно-климатическим характеристикам территории, как Сибирь. В последние десятилетия XX в. сибирские ТПК давали основной прирост производства промышленной продукции в регионе, имели более высокую производительность труда по сравнению со старопромышленными районами страны. Они достойно выдержали испытания временем. В 1990-е кризисные годы за счет углеводородов и металлов, произведенных на предприятиях ТПК Сибири, решались социально-экономические и политические проблемы не только региона, но и всего государства.

С ними и в современных условиях связываются перспективы социально-экономического развития Российской Федерации. Хотя нужно сразу сказать, что приватизация крупнейших промышленных предприятий пошла не на пользу комплексному раз-

витию. Она обернулась борьбой кучки дельцов и новоявленных предпринимателей за передел власти и собственности, которая велась далеко не корректными и справедливыми способами. Группы предприятий, функционирующие изначально в едином производственном комплексе, в рамках общих технологических и инфраструктурных цепочек, оказались разрозненными и даже обанкротившимися. Это не только нарушило устоявшиеся производственные и технологические процессы на предприятиях ТПК, но и создало сложнейшие социальные проблемы в населенных пунктах, где они располагались. Практика последних десятилетий, связанная с переходом к рынку, оказалась разрушительной для, казалось бы, проверенной временем стратегии комплексного развития Сибири, разработанной в советский период.

Тем не менее, специалисты продолжают считать комплексный подход в организации производственных процессов по-прежнему актуальным. Признается, что в условиях Сибири и Дальнего Востока он наиболее эффективен, может действительно влиять на развитие, как экономической, так и социальной жизни на той или иной территории обширного региона, находящегося в неоднозначных природно-географических и климатических условиях. ТПК как форма регионального развития может быть вполне востребованной. Вместе с тем, она должна быть дополнена новыми механизмами и элементами сотрудничества, направленными на активизацию инвестиционной деятельности, торгово-экономической интеграции, решения транспортно-логистических проблем и т.п. Поэтому строятся новые планы комплексного развития в условиях рыночной экономики.

В условиях России под влиянием исторического опыта осознается координирующая и определяющая роль органов государственного управления. По сравнению с предыдущим периодом специалисты считают, что целесообразно не только сохранение государственного регулирования, но и его усиление. Деятельность государства в этом направлении должна означать «умение анализировать прошлое, предвидеть будущее и воздействовать на отдельных участников процесса экономического развития в направлении достижения желательного состояния» [1, с. 103].

ТПК как форма пространственной организации производительных сил в Сибири, в том числе и в арктических ее

районах, вполне может быть сохранена, так как она позволяет наиболее корректно и действенно решать проблемы единой территории, создавать условия для деятельности участников рынка, не столько как конкурентов, а в большей степени как союзников, работающих в рамках единого плана под руководством единого органа управления в лице региональных и государственных структур власти, участвующих прежде всего в решении социальных и экологических проблем на определенной территории.

В качестве примера нового подхода можно привести формирование Нижнеангарского ТПК, проект которого начал разрабатываться еще в советский период в рамках реализации Ангаро-Енисейской программы [1, с. 338–346]. В настоящее время в г. Козьмодемьянске продолжено строительство крупных промышленных объектов: Богучанской ГЭС (мощностью 3000 МВт), алюминиевого завода (600 тыс. т алюминия), лесоперерабатывающего комплекса, способного произвести около 850 тыс. т целлюлозы и 700 тыс. м³ пиломатериалов. В зоне планируется развитие горнодобывающих и золотодобывающих производств, строительство крупных горнообогатительных комбинатов. В перспективе до 2020 г. в индустриальное ядро Нижнеангарского ТПК войдет целый ряд промышленных предприятий и энергетических объектов не только Нижнего Приангарья, но и юга Эвенкии, западной части Якутии, а также предполагается строительство крупного лесохимического комплекса в Енисейском районе, Мотыгинской ГЭС мощностью 1240 МВт.

В 2006 г. в целях формирования Нижнеангарского ТПК была утверждена специальная государственная программа с финансированием из Инвестиционного Фонда Российской Федерации. В утвержденном правительством проекте «Комплексное развитие Нижнего Приангарья» общая сметная стоимость первого этапа его реализации составляет 213,9 млрд р., в том числе средства инвесторов — 179,7 млрд р.

Запланировано развитие транспортной инфраструктуры, основу которой составят железные дороги: Лесосибирск-Усть-Илимск, Карабула-Ярки, Чадобец-Чадобецкий ГОК-Кода, Карабула-Ельчимо, автодорога Канск-Абан-Богучаны-Кодинск, сеть базовых аэропортов (Богучаны, Кодинск, Северо-Ени-

сейск, Енисейск). Предполагается активизация деятельности водного транспорта по Ангаре с выходом в Лесосибирском речном порту в транспортную систему «Енисей-Северный морской путь», главным образом для транспортировки углеводородного сырья с месторождений юга Эвенкии и районов Нижнего Приангарья. Транспортно-логистический комплекс зоны будет предназначен, как для вывоза продукции региона на внутрироссийский рынок, так и по экспортным обязательствам. Он также будет обслуживать транзитные перевозки по территории Российской Федерации.

В результате активизации экономической деятельности намечается значительный рост численности населения районов Нижнего Приангарья. К 2020 г. примерно до 200–210 тыс. чел. Планируется, что государственное регулирование поможет обеспечить взаимосвязанное социально-экономическое развитие значительной территории Восточной Сибири, а это даст новые импульсы и для дальнейшего развития ранее созданных ТПК и формирования новых. Так, общее основание для своего эффективного развития получают Нижнеангарский, Братско-Усть-Илимский и Ленско-Ангарский ТПК, а также система комплексов и промышленно-транспортных узлов республик Бурятия и Якутии, Забайкальского края. Южно-Якутский ТПК, хотя и является в настоящем административном делении субъектом управления Дальневосточного федерального округа, специалистами рассматривается также в едином экономическом пространстве. Его инфраструктурное развитие невозможно отделить от соседних регионов, расположенных в Азиатской части Российской Федерации.

В целом проект развития Нижнего Приангарья, осуществляемый на принципах государственно-частного партнерства, вполне может быть оценен как первый комплексный проект в стране в постсоветский период, рассчитанный на длительную перспективу и призванный придать развитию Сибири и Дальнего Востока новые импульсы в складывающихся и в перспективных экономических условиях. Данные планы позволят модернизировать экономику страны и сохранить ее в качестве единого хозяйственного комплекса. Например, в Сибири по-прежнему будет находиться главная топливно-энергетическая база Россий-

ского государства, которую вскоре пополнит и укрепит крупный объект электроэнергетики в Нижнем Приангарье — Богучанская ГЭС. Значение ее пуска далеко выходит за рамки только увеличения установленной мощности Единой энергетической системы Сибири. Создающиеся новые мощности, наряду с мощностями восстановленной и модернизированной Саяно-Шушенской ГЭС, позволят не только создать резервы для экономического развития страны, но и произвести техническое и технологическое переоснащение существующих тепловых электростанций, перевести их по возможности с угля на газ, сделать более экономичными и результативными.

Таким образом, можно сделать вывод, что создание ТПК в Сибири по-прежнему рассматривается как актуальный проект, реализация которого сможет обеспечить важный модернизационный эффект при освоении природных ресурсов Сибири и обживании ее слабозаселенных территорий. Современные экономисты и политики часто оперируют понятием «территориальный кластер», но оно для планирования социально-экономического развития регионов ресурсного типа, каковыми являются большинство территорий Сибири и Дальнего Востока, мало применимо. По мнению сибирских экономистов, кластер, как организационная форма управления производственными процессами, может быть использован в старопромышленных районах в целях быстрого достижения экономической эффективности и получения прибыли. Организация кластера не способствует развитию в целом территории [1, с. 107–109]. ТПК же по своему замыслу требуют масштабных и многоплановых преобразований и не только в экономической сфере, но и в социокультурной, экологической и пр. Исторический опыт подтверждает это заключение и хотелось бы, чтобы он был учтен в разработке современных стратегий и планов.

Список использованной литературы

1. Азиатская часть России: новый этап освоения северных и восточных регионов страны / В. Ю. Малов и др. ; отв. ред. В. В. Кулешов ; Ин-т экономики и орг. пром. пр-ва СО РАН. — Новосибирск, 2008. — 427 с.
2. Айзенберг Е.Б. Комплексные программы развития восточных районов СССР / Е. Б. Айзенберг, Ю. А. Соболев. — М. : Экономика, 1982. — 176 с.

3. Долголюк А.А. Сибирь: проекты XX века (Начинания и реальность) / А. А. Долголюк, В. А. Ильиных, В. А. Ламин, В. Ю. Пленкин, А. И. Тимошенко. — Новосибирск : Изд-во НГУ. — 302 с.

4. Железнодорожный транспорт : энциклопедия / гл. ред. Н. С. Конарев. — М. : БРЭ, 1994. — 559 с.

5. Историческая энциклопедия Сибири : в 3 т. / науч.-ред. совет: В. И. Молодин и [др.]; рук. проекта А. П. Деревянко. Т. 3 : С-Я. — Новосибирск : Изд. дом «Ист. наследие Сибири», 2009. — 783 с.

6. Коновалов А. Б. Партийная номенклатура Сибири в системе региональной власти: 1945–1991 / А. Б. Коновалов. — Кемерово : Кузбассвуиздат, 2006. — 636 с.

7. Орлов Б. П. Сибирь: шаги индустрии / Б. П. Орлов. — М. : Сов. Россия, 1988. — 252 с.

8. Пашков Н. М. Нефтегазовый комплекс Западной Сибири в системе народного хозяйства СССР / Н. М. Пашков // Тезисы сообщений V областной научно-практической конференции «Нефть и газ Западной Сибири». — Тюмень, 1988.

9. Промышленное и сельскохозяйственное освоение Восточной Сибири в советский период. — Иркутск : ИГПУ, 1990. — 150 с.

10. Тимошенко А. И. Государственная политика формирования и закрепления населения в районах нового промышленного освоения Сибири в 1950–1980-е гг. Планы и реальность / А. И. Тимошенко. — Новосибирск, 2009.

11. Шафраник Ю.К. Западно-Сибирский феномен. Тюмень на стыке веков: между легендарным прошлым и неясным будущим? / Ю. К. Шафраник, В. А. Крюков. — М. : Нефтегазовая вертикаль, 2000. — 224 с.

Информация об авторе

Тимошенко Альбина Ивановна — кандидат исторических наук, Институт истории СО РАН, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: timoshenkoai@ngs.ru.

Author

Timoshenko Albina Ivanovna — PhD in History, Institute of History, Siberian branch of RAS, 8, Nikolaev street, Novosibirsk, 630090, e-mail: timoshenkoai@ngs.ru.